

24 декабря в клубе им. Горького пос. Гнилицы состоялся спектакль-концерт артистов московских театров Жанны Владимировой и Алексея Ковалева. Студийцы народного театра автомобильистов были почти единственными зрителями. После спектакля они преподнесли актрисе белые хризантемы, свой восторг, любовь, благодарность. Если бы можно было сделать что-то большее!

ЦВЕТЫ В ДЕКАБРЕ

Ответственность за мир. Человек и совесть. Человек и век. Человек и любовь. Человек и добро. Человек и ненависть. И вечное: жить. «Жизнь дается человеку один раз!». Как же жить? И вот оказывается, что основным становится вопрос о глубине человеческой личности...

Теперь, пожалуй, пора объяснить несколько абстрактное начало. Весь этот нешуточный круг вопросов в одном спектакле подняли актеры Жанна Владимировская и Алексей Ковалев. Возможно, эта рецензия покажется антирецензией. Но мы имеем на это право. Мы — не профессиональные критики. Мы — это тридцать парней и девчат, которые работают на автозаводе, учатся в вузах, техникумах, училищах. Пусть все здесь написанное воспримется как круг мыслей, возникших по поводу потрясшего нас искусства. Ну, а если мы еще кого-нибудь заразим желанием увидеть этих замечательных актеров, то будем очень рады.

Итак, актриса Московского драматического театра на Малой Бронной Жанна Владимировская и актер театра им. Ленинского комсомола Алексей Ковалев играют спектакль-концерт по пьесе французского драматурга Ж. Ануя «Медея». Правда, в спектакле есть еще музыка Стравинского и голос, записанный на магнитофон. И вот этот голос сообщает нам, что здесь будет присутствовать Голоса, а отвечать им будет Медея. Медея-Владимировская...

Как трудно определить словами тот восторг и потрясение, которые охватили нас. Перед нами живая рана. Человеческое страдание, взятое в апогее. Тот миг, когда человек принимает решение. Начало конца. А перед этим — вся жизнь. Она в измученных, не сдерживающих слезы глазах, тонких руках, заломленных плечах, во всем ху-

денком, как бы лишенном плоти, облике, вся — порыв, вся — нерв. И эта кажущаяся одноплановость не становится бедностью актрисы. Не становится потому, что она, как истомленный многодневной жаждой пустыни человек, пьет всю чашу боли до дна. В такие углки сплетений человеческой души заходит, что не оставляет нам ничего. Берет весь огонь на себя. И становится больно и страшно, и ты уже вымалываешь свою долю страдания. Нельзя же, в самом деле, оставить весь мир не на плечах Атланта, а на этих хрупких, женских, почти ребячьих плечах. Вот в чем, оказывается, секрет этого великого сострадания. Владимировская творит свою боль, но ее боль — общечеловечна.

И последнее. Кто-то сказал, что созданное художником не приравнивается к его личной судьбе. Художник уходит — искусство остается. Так было почти со всеми великими художниками пера и слова. Иное дело актер. Его искусство живет только сегодня, более того — только в тот день и час, когда он на сцене. Искусство Владимировской, ее вдохновенное, чистое и честное споранье, ее полнейшая отдача себя залу, ее человеческий и артистический подвиг, именно то, что делает театр, по словам Гоголя, «кафедрой», видели сегодня только мы, небольшая группа людей. У Володина есть сценарий «Происшествие, которое никто не заметил». Там люди легко и просто прошли мимо чуда. Здесь, в жизни, произошло то же самое. Мы не можем не послать упрек в адрес администрации Горьковской филармонии, не сумевшей должным образом создать рекламу и организовать показ спектакля-концерта Владимировской и Ковалева.

З. КУЛИКОВСКАЯ.